

*А. Е. Супрун*¹

ЛЕКСИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА СЛАВЯНСКОГО ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА. ЧЕРЕДОВАНИЕ НОМИНАЦИЙ

В связи с развитием лингвистики текста, сосредоточивавшейся главным образом на поисках грамматических показателей его целостности, единства, последовательности, законченности, модальности и т.п., целесообразно обратиться и к проблеме лексической организации текста. Поскольку текст порождается в тесной связи грамматических и лексических единиц, могут быть эксплицированы некоторые параметры, характеризующие закономерности лексического устройства текста.

Обнаружение лексических закономерностей организации текста требует длительной и кропотливой работы по изучению лексической организации отдельных текстов. Определенная работа проводилась в этом плане автором и его сотрудниками [Супрун 1993а, 3–12; 1993б, 57–69; 1994, 72–81; 1995, 96–105; 1997, 346–363]. Целесообразно также рассмотрение структур, обеспечивающих лексическую организацию текстов [Супрун, Клименко 1989,

---

¹ В настоящем сборнике мы публикуем одну из статей Адама Евгеньевича Супруна, посвященных лингвистике текста. Текстовые исследования – и памятников письменности, и современной поэзии – проводились автором в течение всей жизни. Избранная статья как нельзя лучше соответствует тематике сборника – “Современные направления исследования и преподавания славянских языков”, поскольку в ней предложен алгоритм анализа лексической структуры поэтического текста. Мы надеемся, что она послужит подспорьем молодым славистам в изучении поэтического дискурса. Текст печатается с сокращениями – полный вариант см. в: Супрун А. Е. Исследования по лингвистике текста. Мн.: БГУ, 2001. – 308 с.

10–17; Супрун 1995а, 55–62; Супрун 1995б, 13–22; Супрун 1995в, 133–141].

В числе показателей, которыми определяется лексическая структура текста, могут быть названы показатели, характеризующие состав и особенности лексики, используемой в тексте, в ее соотношениях с лексиконом языка, межсловесные парадигматические и синтагматические связи слов в тексте (в сравнении с системой) в качественном и количественном планах, семантический, морфемный, сочетаемостный аспекты плана содержания лексических единиц, а также соотношение плана содержания и плана выражения лексикона как в синхронии, так и в диахронии:

- количество словоупотреблений n и количество разных слов m ; отношение m/n как показатель лексического разнообразия (или богатства); введение эмпирического уточнения показателя лексического богатства при различных по длине текстах;
- состав лексикона; соотношение грамматического оформления и лексики текста; полноточные и служебные слова; членение словаря по частям речи (грамматическим свойствам); словоизменяемость характеристика слов текста; грамматические сочетания слов, синтагмы, предложения;
- лексические доминанты: лексемы и группы слов; семантическое членение лексикона (разнообразие и семантическая направленность); ассоциативные связи между словами в тексте и словаре; стилистическая характеристика лексических составляющих текста;
- морфемная структура составляющих текст слов; план выражения и лексики (например, длина слов в звуках и слогах; ритмика, рифма и лексика); морфемное разнообразие и звуковое (фонемное) совпадение (сходство);
- стандартная и нестандартная лексическая сочетаемость слова, фразеологизмы в тексте;
- частотность слов в тексте и в языке; функции повторов, синонимических замен анафорического характера, дейктических субститутов;

- распределение слов и семантических групп по тексту; семантические связи между лексическими элементами текста; смысловые центры и периферия в тексте: план содержания текста и его манифестация в лексике и грамматике; элементарные смысловые единицы и их приращение в результате соединения в тексте единиц языка;

- лексика текста как часть (фрагмент) лексикона языка и как самостоятельное единое целое; единство и разнообразие лексикона текста; лексика текста и внешний (по отношению к тексту) контекст (в диахронии и в синхронии).

Эти параметры лексической организации текста в различной мере релевантны при анализе различных текстов. В настоящей статье предполагается подробнее остановиться на одном из способов лексической организации текстов – чередовании номинаций в тексте. В качестве материала взяты тексты из новой русской поэзии. Близкие результаты были получены и на древнеславянских текстах [Супрун 1991, 266–277; 1992, 10–28; 1992а, 3–14; 1993, 71–81; 1996, 267–288; 1996а, 34–40; Супрун, Кожина 1989, 101–126; 1996, 1–26; Супрун, Кожина, Трэмбовольскі 1993; Suprun 1987, 221–240; 1994, 113–127], а также в текстах на других славянских языках (в частности, белорусском) [Супрун 1996б, 124–128; 1996в, 46–50].

Среди анафорических способов передачи тематического единства текста выделяется повтор, чередование, грамматическое варьирование и дейктическая замена номинаций. Повтор номинаций является одним из способов обеспечения единства текста, поскольку он отражает единство предметов, их признаков, действий и обстоятельств, которые отображаются в тексте. Русский язык, в котором грамматика не только позволяет, но и требует дублирования многих грамем в согласованных и коррелирующих конструкциях, достигает необходимой степени цельности и единства текста в значительной мере грамматическими средствами. В связи с этим простое дублирование, повторение лексических элементов в русских текстах ограничено. Стилистические правила требуют

избегать в рамках некоторого относительно небольшого фрагмента текста (например, абзаца) повторения не только слова, но и корня. Необходимые лексические повторы в условиях указанного ограничения, как правило, значимы. В связи с этим в русских текстах нередко используется не повтор, а **чередование номинаций**, т. е. попеременное использование различных номинаций одного и того же объекта, признака, действия или обстоятельства.

Можно говорить об использовании наименований одних и тех же объектов (действий и т.п.) с разных точек зрения, в разных планах. Эта мена номинаций мотивируется различными ситуациями, установками говорящего и статусом того, о чем или о ком идет речь, различными его оценками в социуме или со стороны конкретного говорящего и т. д. Б. А. Успенский говорил в данном случае о точке зрения как категории, определяющей выбор наименования [Успенский 1955, 33–35], приводя в качестве примера (по академику Е. В. Тарле) известное изменение тональности газетных сообщений, а следовательно, и номинаций в них Наполеона по мере его приближения к Парижу в период "Ста дней": "*Корсиканское чудовище* высадилось в бухте Жуан", "*Людоед* идет к Грассу", "*Узурпатор* вошел в Гренобль", "*Бонапарт* занял Лион", "*Наполеон* приближается к Фонтенбло", "*Его императорское величество* ожидается сегодня в своем верном Париже". Затем Б. А. Успенский прослеживает изменение номинаций Наполеона в связи с изменением точек зрения на него в "Войне и мире" и показывает мотивации такого изменения [Успенский 1955, 43–48].

В начале IV фрагмента "Реквиема" Анны Ахматовой (Requiem, 1935–1940) даны три номинации лирической героини эпохи ее молодости в сопоставлении с ее нынешним трехсотым местом в очереди с передачей под Крестами:

Показать бы тебе, **насмешнице**
И **любимице** всех друзей,
Царскосельской **веселой грешнице**,
Что случится с жизнью твоей –
Как **трехсотая**, с передачей,
Под Крестами будешь стоять

И своею слезою горячею
Новогодний лед прожигать.
Там тюремный тополь качается,
И ни звука – а сколько там
Неповинных жизней кончается...

Насмешница, любимица, веселая грешница, конечно, не синонимы. Это, однако, слова подобные по функции наименования, по возможности приложения к одному и тому же лицу и даже в одно и то же время и в одной и той же в общем среде. Они характеризуют лицо с разных сторон, разные роли этого лица.

Очень ярко и мотивированно организована мена наименования героя в финале "Начала поэмы" О. Берггольц (1941). Мотивацию мены имени здесь можно рассматривать как в плане изменения точек зрения на героя, так и его социальных ролей на протяжении довольно короткого отрезка времени. Проходит ночь, "после долгой, злой разлуки" проведенная супругами-возлюбленными "не разнимая рук", и вдруг соседка будит их сообщением: "Война!" Происходит следующий разговор:

...Ты говоришь:
– Ну как? Не страшно?
– Нет... Ты идешь в военкомат? –
Еще ты муж, но больше – брат...
Ступай, родной...
И ты – солдат,
ты соотечественник мне,
и в этом – всё.
Мы на войне.

Слова *муж, брат, родной, солдат, соотечественник*, номинирующие одно и то же лицо, на фоне местоимения *ты* называют это лицо как бы в разных ролях, в тех внутренних трансформациях, которые человек претерпевает как следствие страшной вести. Еще не остыло брачное ложе: *еще ты муж*, но, поскольку наступает война, секс как бы отступает на другой план и *муж* превращается в самого близкого родственника по мужской линии: он

уже *больше – брат*, и еще отвлеченнее, но эмоционально, быть может, ближе – *ступай, родной, [в военкомат]*. Но в военкомат во время войны мужчина идет, чтобы стать солдатом: *И ты – солдат*. А следом – еще более отвлеченно и патетически-многосложно: *ты соотечественник мне*. Но щемяще интимное *ты* объединяет все эти номинации общим отношением говорящего (говорящей) к называемому.

Представляет интерес рассмотрение парадигматических семантических отношений между словами (и сочетаниями слов), выступающими как наименования одного и того же явления при построении текста. Семантически элементарным случаем следует считать использование синонимии. Различные варианты личного имени (фамилия, имя, отчество и их комбинации [Супрун 1993в, 43–53]) могут рассматриваться как синонимы. В одном из стихотворений А. Вознесенского (1974) сначала дается фамилия, а затем имя героя по полному официальному русскому образцу:

Зрители в бушлатах дымят махрой –
ставит Революцию **Мейерхольд**.
Радость открывавший мореход –
Всеволод Эмильевич Мейерхольд.

В пятом двустрочье снова употреблена одна лишь фамилия. А в последних трех двустрочьях читаем:

Скомканный платочек – от слез сырой...
Всеволод... Эмильевич... Мейерхольд...
Где Ваша могила – хотя бы холм, –
Всеволод Эмильевич Мейерхольд?
С пьедесталов сцены – эх! – мировой
попыхает **Всеволод Мейерхольд!**

После прерывистого (с многоточиями между частями) от слез полного имени идет официальный антропоним в горестном вопросе, конечно же, не к тому, к кому он обращен формально, а к убийственной машине Лубянки. А потом, когда речь идет о горькой – потому что посмертной – всемирной славе, используется широко принятый в мире (и в современной России) двучлен имени и фамилии великого человека.

Синонимия – частый, но лингвистически не обязательный случай подбора чередующихся замен. В стихотворении "Снежная замать дробится и колется" (1925) Сергей Есенин применяет четыре однородных обращения – окказионально субстантивированных прилагательных: *милая, добрая, старая, нежная*. Здесь можно говорить о синонимах или близких к синонимии словах применительно к двум первым и последнему словам. Третье едва ли может рассматриваться как синоним, даже окказиональный, хотя его объединяет с другими авторская эмоциональная окраска ласки. И все же это скорее не синонимия, а сходство, подобие значений, быть может, системная или окказиональная "эквонимия". Таким же образом можно охарактеризовать и семантическое отношение между номинациями в "Письме к матери" (1924), где С. Есенин называет адресата *моя старушка, родная, ты*.

Можно говорить о заменах слов сочетаниями и наоборот. Так, например, И. А. Бунин в стихотворении "Иконка" (1919) заменяет простую номинацию *иконка* сочетаниями: двучленным атрибутивным сочетанием (*черная дощечка*) и развернутым сочетанием в последней строке (*убогий символ Божьих сил*).

Многочисленные примеры включения в текст различных номинаций, которые колеблются от однословных наименований до довольно сложных сочетаний слов, находим в средней части стихотворения Иосифа Бродского "На смерть друга":

*имяреку, тебе, сыну вдовой кондукторши от
то ли Духа Святого, то ль поднятой пыли дворовой,
похитителю книг, сочинителю лучшей из од
на паденье А.С. в кружева и к ногам Гончаровой,
слововержцу, лжецу, пожирателю мелкой слезы,
обожателю Энгра, трамвайных звонков, асфodelей,
белозубой змее в коллоннаде жандармской кирзы,
одинокому сердцу и телу бессчетных постелей –
да лежится тебе, как в большом оренбургском платке,
в нашей бурой земле, местных труб проходимцу и дыма,
понимавшему жизнь, как пчела на горячем цветке,
и замерзшему насмерть в параднике Третьего Рима.*

Возможны случаи замен родовых видовыми или видовых – родовыми наименованиями. Герои стихотворения Н. Заболоцкого "Где-то в поле возле Магадана" (1956), *два несчастных русских старика*, вначале обозначены местоимением *они*, которое и потом встречается несколько раз в различных падежах. Позже трижды используется родовая номинация *люди*, после него и выражения *друг на друга* снова появляется номинация *старики* без всяких уточнений, а потом – еще раз местоимение *они*. Иногда чередование номинаций происходит по модели "часть – целое" (С. Городецкий "Владыка", 1906).

Встречаются также довольно сложно реконструируемые семантические отношения между словами, представляющими собой замены, и словами, которые подвергаются таким заменам. Вот пример из стихотворения Александра Блока "Ты помнишь? В нашей бухте сонной" (1911–1914):

Ты помнишь? В нашей бухте сонной
Спала зеленая вода,
Когда кильватерной колонной
Вошли **военные суда**.
Четыре серых. И вопросы
Нас волновали битый час,
И загорелые матросы
Ходили важно мимо нас...

Атрибутивное сочетание слов *военные суда* замещается в следующей строке сочетанием числительного с указанием не названного ранее признака: *четыре серых*. Быть может, и пару слов *загорелые матросы* следует считать (и не без оснований) замещением (не формальным, но смысловым) уже названных военных судов (как бы часть – члены команды целого). Интересно, что в следующей, третьей строфе вновь упоминаются названные в первых двух объекты, но уже одночленно, без уточнений, причем взяты формально, грамматически главные члены указанных сочетаний:

Мир стал заманчивей и шире,
И вдруг – **суда** уплыли прочь.

Нам было видно: **все четыре**
Зарылись в океан и в ночь.

Суда уплыли, а с ними растаяли их признаки, и потому стало неуместным их вновь называть.

Таковы некоторые случаи субституции одних номинаций другими в русских стихотворных текстах, которые можно рассматривать как чередование (а в некоторых случаях и варьирование) различных номинаций одних и тех же объектов. Любопытно отметить, что семантические отношения между этими заменами номинаций весьма напоминают те типы семантических отношений, которые существуют между элементами ассоциативных полей [Клименко 1974, 52–74; 97–106]. За этим можно видеть как следы ассоциативных структур в словесной памяти, так и наличие в такого рода отношениях неких общих семантических отношений между словами в тексте и в системе.

Под варьированием (грамматическим варьированием) номинаций, также широко применимым в русских текстах, целесообразно понимать разные формы грамматического и словообразовательного представления понятий (например, замены существительных прилагательными или глаголами, использование разных префиксальных глаголов, субъективно-оценочных форм имен и т. п.). Как и в других языках, важным средством избегания повторов являются местоименные (дейктические) замены номинаций. Эти виды замен следует рассмотреть особо.

Подводя итоги рассмотрению случаев чередования номинаций в лексической структуре русского текста, следует констатировать, что они служат, с одной стороны, укреплению цельности и содержательного единства его, а с другой – созданию определенной меры лексического разнообразия текста через увеличение его словника, а тем самым и лексического богатства текста.

Лексическая организация в целом способствует единству текстов при наличии необходимого разнообразия и определенной четкости (внутренней расчлененности) их, а следовательно, оптимизации процесса передачи словесной информации.

Литература

- Даль, В. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. Т. 1.
- Клименко, А. П. Лексическая системность и ее психолингвистическое изучение. Мн., 1974.
- Литературная Грузия. 1971. № 7. С. 17.
- Словарь русских народных говоров. Л., 1968. Вып. 3; 1972. Вып. 9.
- Словарь русского языка: В 4 т. М., 1981. Т. 1; 1982. Т. 2.
- Супрун, А. Е. Лексико-грамматическая структура древяно-полабской песни // Проблемы лингвистики текста. Мн., 1991.
- Супрун, А. Е. Материалы к изучению лексической структуры Службы св. Вячеславу (Вацлаву) // *Studia slavica savariensia*. 1992. № 1.
- Супрун, А. Е. Синтагматический аспект лексической структуры текста Службы св. Вячеславу // *Studia slavica savariensia*. 1992a. № 2.
- Супрун, А. Е. К лексической структуре канона Службы св. Кириллу (специальные лексические доминанты) // Сборник от научни трудове, посветен на 70-годишнината на проф. М. Янакиев. София, 1993.
- Супрун, А. Е. Лексическая структура стихотворения Бориса Пастернака "Нобелевская премия" // *Studia slavica savariensia*. 1993a. № 1.
- Супрун, А. Е. Лексическая структура стихотворения А. Ахматовой "Привольем пахнет дикий мед" // *Studia slavica savariensia*. 1993b. № 2.
- Супрун, А. Е. О прагматической парадигме русского личного имени собственного // *Russistik* (Русистика). 1993в. № 2.
- Супрун, А. Е. О лексической структуре "Телефона" Корнея Чуковского // *Studia slavica savariensia*. 1994. № 1.
- Супрун, А. Е. Лексическая структура стихотворения Владимира Маяковского "Хорошее отношение к лошадям" // Русский язык и литература в школах Кыргызстана. 1995. № 4 (209).
- Супрун, А. Е. Лексическая структура текста и лексическая синтагматика // *V nemzetközi szlavisztikai napok* 1994. Международные дни славистики. 1. kötet. Szombathely, 1995a.
- Супрун, А. Е. Лексическая структура текста в ее соотношении с грамматической // *Rusística Española*: Научный журнал по проблемам русского языка и литературы. Madrid, 1995b. № 5.
- Супрун, А. Е. Повтор в лексической структуре текста // Язык – система. Язык – текст. Язык – способность: К 60-летию члена-корреспондента РАН Ю. Н. Караулова. М., 1995в.
- Супрун, А. Е. К лексической структуре Фрейзингских листков // *Zbornik Brižinski spomeniki*. Ljubljana, 1996.

- Супрун, А. Е. Лексическая структура *Отречения Петра* в старославянском переводе // Праваслаўе ў славянскіх культурных традыцыях: Зборнік артыкулаў навукова-практычнага семінара “Спадчына святых братоў Кірыла і Мяфодзія і славянскія мовы”. Мн., 1996а.
- Супрун, А. Е. Лексіка верша Янкі Купалы “З асенніх напеваў” // Письменник – мова – стыль: Тэзісы дакладаў і паведамленняў Міжнароднай навуковай канферэнцыі, прысвечанай 70-годдзю з дня нараджэння прафесара Л. М. Шакуна (17–19 верасня 1996 г.). Мн., 1996б.
- Супрун, А. Е. Лексічная структура верша У. Караткевіча “Дзяўчына пад дажджом” // Веснік БДУ. Серыя IV. 1996с. № 2.
- Супрун, А. Е. Лексическая структура стихотворения В. Хлебникова “Когда умирают кони” // Slavistična revija. Ljubljana, 1997. L. 45. № 1-2.
- Супрун, А. Е., Клименко, А. П. Проблемы изучения лексической структуры текста // Смысловые и прагматические характеристики текста и его единиц. Иваново, 1989.
- Супрун, А. Е., Кожина, А. А. К лексической структуре древнерусского текста // Probleme der Textlinguistik (Проблемы лингвистики текста). Gemeinschaftsarbeit von Wissenschaftlern der Partneruniversitäten Bochum und Minsk. München, 1989.
- Супрун, А. Е., Кожина, А. А. Лексическая структура воскресных молитв св. Кирилла Туровского // Dissertationes slavicae. Slavistische Mitteilungen. Sectio linguistica. XXIV. Szeged, 1996. Acta Universitatis Szegediensis de Attila József nominatae.
- Супрун, А. Я., Кожынава, А. А., Трэмбавольскі, Я. Л. Параўнальная тыпалогія лексічнай структуры старажытнаславянскіх тэкстаў // XI Міжнародны з’езд славістаў: Доклады. Мн., 1993.
- Успенский, Б. А. Поэтика композиции // Успенский Б. А. Семиотика искусства. М., 1995.
- Suprun, A. E. Die lexikalische Struktur eines altrussischen Textes: Studien zur Palmsonntagspredigt (Slovo na verbnicu) Kirills von Turov // Sprache und Literatur Altrusslands. Münster, 1987.
- Suprun, A. E. Zum dravānopolabischen Vaterunser // Wiener slavistisches Jahrbuch. 1994. Band 40.